

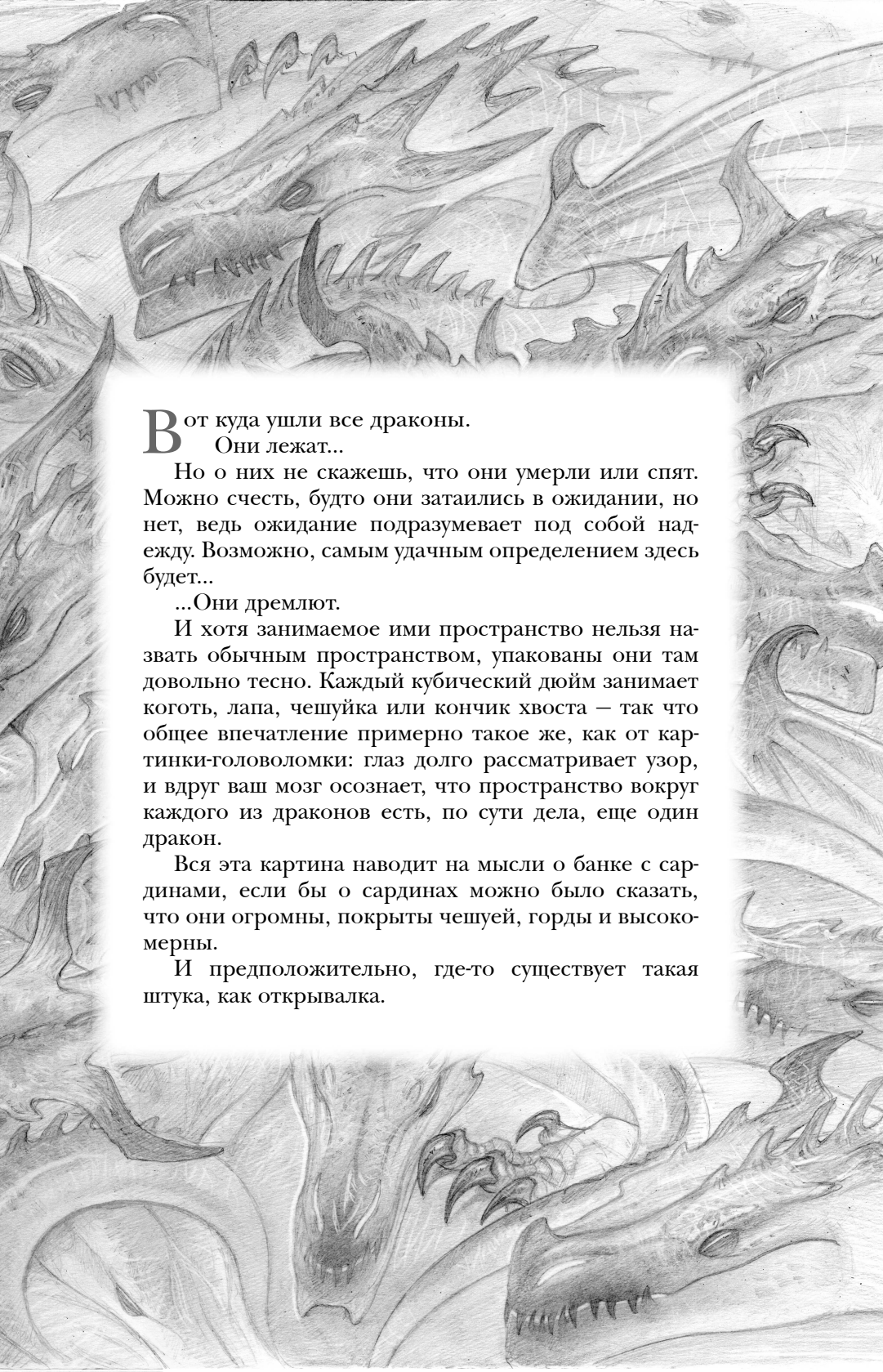

Порой их называют Дворцовой Стражей, иногда — Городскими Стражниками или просто Гвардией. Независимо от названия пылкая фантазия авторов героического фэнтези находит для них одно-единственное и неизменное предназначение, а именно: где-нибудь в районе третьей главы (или на десятой минуте фильма) ворваться в комнату, по очереди атаковать героя и быть уложенными на месте. Хотят они исполнять сию незавидную роль или нет, никто их не спрашивает.

Этим замечательным людям и посвящается данная книга.

А также — Майку Гаррисону, Мэри Джентл, Нилу Гейману и всем остальным, кто помогал в разработке идеи Б-пространства и смеялся над ней; жаль, что у нас так и не дошли руки до Обложки Шредингера...

Вот куда ушли все драконы.
Они лежат...

Но о них не скажешь, что они умерли или спят. Можно счесть, будто они затаились в ожидании, но нет, ведь ожидание подразумевает под собой надежду. Возможно, самым удачным определением здесь будет...

...Они дремлют.

И хотя занимаемое ими пространство нельзя назвать обычным пространством, упакованы они там довольно тесно. Каждый кубический дюйм занимает коготь, лапа, чешуйка или кончик хвоста — так что общее впечатление примерно такое же, как от картинki-головоломки: глаз долго рассматривает узор, и вдруг ваш мозг осознает, что пространство вокруг каждого из драконов есть, по сути дела, еще один дракон.

Вся эта картина наводит на мысли о банке с сардинами, если бы о сардинах можно было сказать, что они огромны, покрыты чешуей, горды и высокомерны.

И предположительно, где-то существует такая штука, как открывалка.

Это же время, но совершенно иное пространство. В Анк-Морпорке, древнейшем, огромнейшем и грязнейшем из всех городов мира, было раннее утро. Серое небо источало мелкую морось, испещряющую точками клубящийся по улицам речной туман. Разных видов крысы занимались своими ночными делами. Под влажным покровом ночи убийцы убивали, воры воровали, потаскухи потаскушничали. И так далее.

Пьяный капитан Ваймс медленно, спотыкаясь на каждом шагу, прошел по улице и осторожно рухнул в сточную канаву неподалеку от штаб-квартиры Ночной Стражи. Он тихо лежал там, а у него над головой странные, светящиеся буквы шипели во влажном воздухе и меняли цвет...

Эт' город, он это... ну, это... как его там... Такая штука. *Женщина*. В-вот что он такое. Бабища. Рокочущая, древняя, многовековая. Эт' женщина затягивает тебя, позволяет тебе в... в... как это... влюбиться в нее, п'том пинает тебя в это... это... есть такая штука... Которая во рту. Зев. Зоб. В *зубы*. Ага, прям туда и пинает. Она такая... ну, это, ты знаешь, собачья женщина. Щенок. Самка. *Сука*. И ты ненавидишь ее, а п'том, как раз тогда, когда думаешь, что уже вышвырнул ее из своего, своего, как его там, ладно, не важно — в эт' самый момент она открывает тебе свое огромное грохочущее прогнившее сердце, выбивает тебя из... рав, равн, такая штука. Ты весишь — оттуда и выбивает. В-вот оно как. Никогда не знаешь, что будет в следующую минуту. Где ты стоишь. То есть лежишь. Единственное, что ты знаешь точно, — это что не можешь без нее. Потому что, потому что она твоя, все, что у тебя есть, даже когда она сожрет тебя и ты окажешься у нее в брюхе, в этой сточной канаве...

Влажный мрак окутал освященные веками здания Незримого Университета, главного учебного заведения, выпускающего в большую жизнь волшебников. Единственным осколком света было бледное октариновое побле-

скивание в крохотных окнах нового здания факультета высокоэнергетической магии — там пронзительные умы испытывали саму ткань вселенной вне зависимости, нравилось это ей или нет.

И само собой, светились окна библиотеки.

Библиотека представляла собой величайшее во всей множественной вселенной собрание магических текстов. Полки гнулись под тяжестью тысяч и тысяч томов с оккультными знаниями.

Такое колоссальное количество магии, собранное в одном месте, способно серьезно исказить окружающий мир, и поэтому обычным законам времени и пространства библиотека не повиновалась. Поговаривали, что эта библиотека простирается отсюда и в вечность. Вообще слухи ходили самые разные: якобы среди уходящих за горизонт полок можно плутать целыми днями; якобы где-то в отдаленных уголках лабиринта скитается племя студентов, заблудившихся в процессе поисков материала для курсовых работ; якобы в забытых альковах, как в засадах, сидят странные существа, чья судьба стать жертвами других, еще более странных тварей¹.

Наиболее предусмотрительные из студентов, погружаясь в библиотечные дебри, оставляли мелкими пометки на полках, а также просили друзей отправляться на поиски, если они вдруг не вернуться к ужину.

Но поскольку магию можно лишь условно заключить в границы переплетов, то и сами книги в библиотеке представляли собой нечто большее, нежели прессованную древесную массу и бумагу.

---

¹ Все это неправда. Истина заключается в том, что пространство способно исказить даже самые обычные книги, и это легко доказывается, достаточно заглянуть в один из по-настоящему старомодных букинистических магазинчиков. Эти магазины — порождение ночного кошмара М. Эшера — содержат в себе больше лестничных пролетов, чем этажей, а еще — ряды полок, которые заканчиваются дверцами, никак не созданными для впуска (а также выпуска) человеческого существа нормальных размеров. Можно даже вывести соответствующее данному случаю уравнение: Знание = сила = энергия = материя = масса. Хороший книжный магазин — это просто-напросто благовоспитанная Черная Дыра, которая умеет читать.

Сырая, неприрученная магия с треском прорывалась сквозь корешки, но особого вреда не причиняла, поскольку заземлялась в специальные, прибитые к каждой полке медные поручни. Синее пламя чертило бледные ползучие узоры, и слышался звук, бумажный шелест — подобный может исходить от колонии пристроившихся на ночлег скворцов. То в молчании ночи разговаривали друг с другом книги.

Также было слышно, как кто-то храпит.

Свет, источаемый полками, не столько разгонял, сколько подчеркивал окружающий мрак, но в сиреневых проблесках внимательный наблюдатель все же мог различить древний, выдавший виды письменный стол, что стоял прямо под центральным куполом.

Храп исходил из-под этого стола. Обрывок изорванного в лохмотья одеяла прикрывал нечто, напоминающее груды мешков с песком, но являющееся на самом деле взростой особью орангутана мужского пола.

Это был библиотекарь.

В те времена не многие позволяли себе высказываться по поводу его видовой принадлежности. Причиной этого преобразования послужил случайный выброс магии — вещь, всегда возможная там, где хранится столько могущественных книг, — и считалось, что библиотекарь еще легко отделался. Ведь в общем и целом он сохранил прежнюю форму тела. Кроме того, ему было дозволено продолжать работать в прежней должности, хотя в данном случае слово «дозволено» не совсем подходит. То, как он закатывал верхнюю губу, обнажая огромное количество невероятно желтых зубов, послужило на университетском совете решающим аргументом, и больше вопрос смещения библиотекаря с должности не поднимался.

Но вдруг раздался еще один необычный звук, нарушивший библиотечную гармонию, — то был скрип открываемой двери. Кто-то, мягко ступая, пересек помещение, тихий топоток растворился среди скоплений полок. Книги возмущенно зашелестели, а некоторые из гримуаров покрупнее загремели цепями.

Убаюканный шепотом дождя, библиотекарь продолжал сладко спать.

СТРАЖА! СТРАЖА!

В полумиле от него, в объятиях сточной канавы, капитан Ваймс из Ночной Стражи заорал во всю глотку пьяную песню.

А тем временем по серым улицам, перебегая от одного темного подъезда к другому, пробиралась облаченная в черное фигура. Наконец фигура достигла зловещего и неприветливого портала. Сразу чувствовалось: далеко не всякий подъезд может достигнуть такой степени неприветливости. Этот выглядел так, будто касательно его архитектору были даны специальные инструкции. Хочется что-нибудь жуткое из темного дуба, сказали ему. Так что присобачьте над косяком горгулью пострашнее и сделайте так, чтобы кольцо у нее в пасти грохотало, точно поступь какого-нибудь великана. Короче, сделайте так, чтобы всякому было ясно: от этой двери пошлому «динг-донг» вы не добьетесь.

Фигура пробарабанила по темному дереву сложный код. Отодвинулась крошечная заслонка, и ночного гостя смерил подозрительный взгляд.

— Многозначительная сова глухо ухает в ночи, — произнес посетитель, пытаясь стряхнуть с плаща дождевую воду.

— И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев, — монотонным речитативом отозвался голос по другую сторону решетки.

— Ура, ура дочери племянника сестры, — парировала фигура в капающем балахоне.

— Для палача все просители одного роста.

— Воистину, внутри шипов таится роза.

— Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп, — продолжил голос за дверью.

Воцарилась пауза, нарушаемая лишь монотонным шумом дождя.

— Что-что? — немного спустя переспросил гость.

— Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп.

Последовала еще одна, более длинная пауза. Затем мокрая фигура уточнила:

— Ты точно уверен? Может, это плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки?

— Ничего подобного. Это бобовый суп. Извини.

Неловкое молчание нарушалось лишь неослабевающим шипением водяных струй.

— А как насчет кита в клетке? — осведомился все более пропитываемый влагой гость, пытаясь втиснуться под то угловое прикрытие, которое мог дать портал.

— А что насчет его?

— Вообще-то ему ничего не ведомо о бездонных безднах.

— Ах, кит... Тебе нужны Озаренные Братья Непроницаемой Ночи. Это через три двери.

— А кто в таком случае вы?

— Мы Просветленные и Древние Братья И.

— А я думал, вы собираетесь на Паточной улице, — после непродолжительной паузы сказал промокший гость.

— Вообще-то да. Но, знаешь ли, всякое бывает. По вторникам помещение занимает кружок домашней лепки. Получилась небольшая накладка.

— Да? Ну все равно спасибо.

— Не за что.

Дверца с оглушительным грохотом захлопнулась.

Несколько секунд фигура в балахоне свирепо смотрела на нее, затем, разбрызгивая воду, зашлепала дальше.

И в самом деле, вскоре обнаружился еще один портал. Архитектор не сильно надрывался, разнообразя дизайн.

Фигура постучала. Маленькая заслонка отворилась.

– Да?

– Слушайте, «Многозначительная сова ухаёт в ночи», верно?

– И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев.

– Ура, ура дочери племянника сестры – так?

– Для палача все просители одного роста.

– Воистину, внутри шипов таится роза. Слушай, здесь небо словно с ума сошло. Ты что, не видишь?

– Вижу, – отвечивал голос, ясно давая понять, что там, откуда он все это видит, тепло и сухо.

Гость вздохнул.

– Киту в клетке ничего не ведомо о бездонных безднах – если тебе от этого легче.

– Плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки.

Проситель ухватился за решетку дверного окошечка, подтянулся и прошипел:

– Впускай же, я промок до костей.

Последовала очередная сырая пауза.

– Эти бездны... Ты сказал «бездонные» или «бездомные»?

– Бездонные, я сказал. *Бездонные* бездны. Это означает, что дна в них нет, ну глубокие они, глубокие. Открывай быстрее, это же я, брат Палец.

– А мне показалось, ты сказал «бездомные», – осторожно отозвался невидимый привратник.

– Слушай, вам нужна эта чертова книженция или нет? Я вовсе не обязан таскать ее. И сейчас я мог бы валяться дома, в теплой постельке.

– Ты точно уверен, что «бездонные»?

– Слушай, эти бездны чертовски глубоки, – совсем расвирипел брат Палец. – Ты был еще жалким неофитом, когда я уже знал, насколько они бездонны. Дверь открой!

– Ну... Хорошо. Так и быть.

Раздался звук отодвигаемых засовов.

— Не мог бы ты слегка подпихнуть? — попросил голос. — Проклятый дождь, Дверь Знаний, Через Которую Да Не Пройдет Неочищенный, совсем разбухла.

Брат Палец навалился плечом, мощным толчком распахнул дверь, смерил свирепым взглядом брата Привратника и заторопился внутрь.

Остальные уже ждали его во Внутреннем Святилище. Они беспорядочно толпились, на лицах застыло глуповато-застенчивое выражение, естественное для людей, которые чувствуют себя несколько неуютно в зловещих черных балахонах с капюшонами. Верховный Старший Наставник кивнул вновь прибывшему.

— Брат Палец...

— Да, Верховный Старший Наставник.

— Принес ли ты то, за чем был послан?

Брат Палец вытащил из-под полы сверток.

— Все было так, как я говорил, — сообщил он. — Нет проблем.

— Отличная работа, брат Палец.

— Благодарю, Верховный Старший Наставник.

Верховный Старший Наставник постучал молотком, требуя внимания.

После непродолжительного шарканья присутствующие образовали нечто вроде круга.

— Я призываю Неповторимую и Верховную Ложу Озаренных Братьев к порядку, — нараспев произнес он. — Дверь Знаний — крепко ли она запечатана супротив еретиков и несведущих?

— Ее там заклинило, — отозвался брат Привратник. — Совсем от влаги разбухла. На следующей неделе захвачу с собой рубанок, так что скоро мы это дело...

— Хорошо, хорошо, — раздраженно прервал Верховный Старший Наставник. — В дальнейшем просто отвечай «да». Тщательно ли обведен тройной круг? Все ли Присутствующие присутствуют? И да удалится отсюда несведущий, ибо иначе будет он взят с этого места самого и велчет его вспорется, и гаскин его выставится на четырех ветрах, и моулсы его разорвутся на части крюками многими, а фиггин его наколется на шип острый — *да, чего надо?*

— Прошу прощения, я не ослышался? Озаренные Братья?

Верховный Старший Наставник яростно сверкнул взглядом на одинокую фигуру с вопросительно вздетой рукой.

— Да, Озаренные Братья, хранители священного знания с таких давних пор, каких человеческий ум даже постигнуть не в состоянии...

— То есть примерно с прошлого февраля, — с готовностью пришел на помощь брат Привратник. Он явно не понимал сути происходящего здесь.

— Прошу прощения. Премного извиняюсь, — обеспокоенно произнесла фигура. — Боюсь, я попал не в то общество. Наверное, не там повернул. Уже ухожу, так что не могли бы вы... э-э...

— А фиггин его наколется на шип острый, — с нажимом повторил Верховный Старший Наставник, перекрывая жуткий скрип намокшей и разбухшей древесины — это брат Привратник пытался открыть Дверь Знаний. — Ладно, с формальностями покончено. Несведущие все удалились? Никто больше дверью не ошибся? — с горьким сарказмом добавил он. — Хорошо. Отлично. Я *так* рад. Полагаю, нет смысла спрашивать, запечатаны ли Четыре Сторожевые Башни? Просто замечательно. И Штанина Святости, кто-нибудь побеспокоился освятить ее? Неужели? И все сделали как положено? Я ведь проверю... Ладно. А окна укреплены Красными Шнурами Разума, как предписывают древние скрижали? Здорово, здорово... Теперь, пожалуй, можно приступить к делу.

Со слегка раздраженным выражением, свойственным человеку, который только что пробежался пальцами по верхней полке в доме невестки и обнаружил вдруг, вопреки всем ожиданиям, что полка сверкает чистотой, Верховный Старший Наставник приступил к делу.

Ну что за придурки, сказал он себе. Сборище недотеп, которых ни одно другое тайное общество ни в жизнь не удостоило бы прикосновением десятифутового Жезла Власти. Даже простейшему тайному рукопожатию не могут научиться — уже все пальцы себе вывихнули.

Но в недотепах таятся великие возможности. Умелых, подающих надежды, честолюбивых и самоуверенных — этих пускай кто-нибудь другой принимает. Он же возьмет